

Случай

Ю. Шестопалов

Эта версия рассказа написана с учетом мнения и советов Нины и Михаила Розовых, моих самых доброжелательных критиков и советчиков.

Вступление

Несколько лет назад произошла авария на нефтяной платформе в море, когда погибло много людей. И мне запомнилось, а точнее, прочно врезалось в память, интервью одного из выживших в той трагической обстановке - рабочего. По ситуации было два пути спасения, и большинство выбрали именно гибельный. А этот рабочий избрал другой путь, и в результате этого решения остался жив. На вопрос корреспондента, почему он выбрал именно этот вариант, рабочий ответил, что он чувствовал, что не стоило спускаться по той лестнице ("It did not look right"). То есть это не был случайный выбор. Как-то его мозг, на подсознательном уровне, оценил ситуацию, и оценил точно, хотя времени у него не было и решение надо было принимать мгновенно - как и остальным. И именно эти слова запомнились, нашли отклик в моей душе, потому что сам был в похожей ситуации, и очень хорошо понимаю, что он имел в виду.

Тот день начался как обычно, мало чем отличаясь от многих похожих дней, когда после подъема и скорого завтрака надо быстрее собираться и ехать на работу, а сам внутри ещё продолжаешь спать, реагируя на окружающую действительность лишь малой толикой все ещё оцепеневшего во сне мозга. На ту пору моя жизнь состояла в основном из сплошного потока довольно напряженной работы, да семейных дел, так что не было времени, да и не было особой необходимости, уделять много внимания окружающей среде. Она ощущалась как нечто, что не таит в себе неожиданных серьезных опасностей, и это давало возможность пребывать в спокойном и благополучном состоянии души, дополнительно усиленном исподволь навязанной специфической канадской умиротворенностью, как будто висящей в воздухе, навешанной каким-то непонятным, вкрадчивым и неназойливым образом, и незаметно принятую как аксиому, как очевидную данность. Хотя, как научила меня жизнь, не раз и не два со всего маха приложив, что называется, мордой об стол, именно очевидные вещи прежде всего нуждаются в доказательстве.

Было раннее утро. На дворе стояла поздняя осень, и погода была под стать времени года - низкие серые облака, местами иссиня-темные, как будто утюжили огромный рабочий город, привольно расстелившийся вдоль одного из североамериканских Великих озер - озера Онтарио. И эта серость облаков и такой же серой мелкой мороси, периодически сыпавшей из них, как будто придавили, прижали город к земле, создав ощущение замкнутости, ограниченности жизненного пространства, и привнеся непонятную и беспричинную печаль, когда хочется остановиться и просто отдалиться душой этим щемящим осенним чувствам, с легким недоумением перебирая события своей жизни как четки, и удивляясь - как же оно так получилось?..

Темно-зеленый, с синевой пикап "Форд Эскорт" привычно принял нас с Валентиной в свое бархатистое на ощупь серое лоно, и трудолюбиво, как рабочая лошадка, каковой он и был по своей крепко сработанной сути, повез нас навстречу очередному трудовому дню, послушно подчиняясь движениям руля и нажиму на педали.

Первый этап сегодняшнего жизненного путешествия - отвезти Валентину на станцию пригородных поездов. Оттуда она по заросшим развесистыми деревьями и густыми кустарниками долинам, сотворенным ледником и рассекающим город с севера на юг, к озеру, отправится в центральную часть Торонто, в офис своей горнодобывающей компании.

Практически не задумываясь, проезжаю этот путь, постепенно просыпаясь в процессе разговора, реагируя на дорожную обстановку, и как будто впитывая ощущение этого дня, его

вневременную неприветливую, но все равно чем-то манящую осеннюю природу, влекущую к себе как сладкоголосая сирена. Есть какая-то пугающая бездна в поздней осени. Может быть, это бездна времени, но заглянуть туда и волнительно, и страшновато, а главное - невозможно, потому что при жизни мы всегда привязаны к настоящему - кто больше, кто меньше. И только те, кто навсегда обрубают эти причальные концы - умершие или сошедшие с ума - свободны от этого поразительного своим многообразием и прихотливыми превращениями дара, имя которому - жизнь.

Вот и въезд на станцию, которая этим ранним утром выглядит сонливо, несмотря на обилие шевелящегося народа. То ли люди и машины двигаются замедленно, то ли это мне кажется после езды по оживленным улицам.

Оставляю Валентину у входа, описав круг вокруг асфальтового островка, и теперь путь лежит на север, в другой город Маркхем, границы которого смыкаются с северной частью Торонто. Машин прибывает, но дороги ещё свободные, и автомобиль целеустремленно, без особых проблем, пробирается по одной из центральных улиц на восток, по направлению к хайвею, который как река подхватит его и повлечет на север.

Езда по улицам заканчивается, и внутренне я собираюсь - сейчас выеду на хайвэй, где и движение, и маневры, да порой кажется, что и сама жизнь, убыстренные. Вот мост, сразу после которого одна полоса ответвляется - это петля-заезд на хайвэй. Последние пару месяцев его ремонтируют, так что узкий заезд огорожен бетонными парапетами, за которыми навалены кучи песка и складированы другие стройматериалы. Из-за них даже не видно полотна дороги, и потому на разгонную полосу въезжаешь практически вслепую. Здесь я машинально, как какой-нибудь промышленный автомат на конвейерной линии (и может статься, что это сравнение не такое уж и далекое, как сейчас кажется), еду день за днем, даже не задумываясь, в какую полосу встраиваться. Заезд между бетонными стенками ограждения такой узкий, а поворот такой крутой, что все внимание уходит на то, чтобы на не зацепить ограждение. Дорога спрямляется только последние метров двадцать, перед въездом на хайвэй. Выехав из бетонного коридора, бросаю мимолетный взгляд на разгонную полосу, и что-то меня на мгновение настораживает. Передо мною - черная свежееасфальтированная полоса, на которой нет никакой дорожной разметки. По идее я должен взять влево, как проделывал этот маневр много раз, и войти в разгонную полосу, но что-то мне мешает это сделать - что-то на сей раз здесь не так! Времени на размышление у меня две-три десятых доли секунды, осмотреться некогда, но по логике вещей я не должен въезжать на новый асфальт - ведь это просто придорожная полоса под мостом! - а как обычно взять влево и перестроиться. Но я этого не делаю - что-то здесь все-таки не то, как-то неправильно оно выглядит! Помните, как сказал рабочий - "it did not look right!" То же самое чувство! И я продолжаю ехать по свежему асфальту. В это мгновение слева от меня, буквально в каком-то метре с небольшим, на скорости километров сто десять в час проносится большегрузный самосвал - из тех, что перевозят по двадцать пять - тридцать тонн груза. Внутри, на какую-то неимоверно растянувшуюся секунду, все замерло. Нет, не ревущий металл пронесся мимо крохотного по сравнению с громадой грузовика "Эскорта", почти букашки на его фоне. Дыхание чуть не состоявшегося Конца на мгновение опануло меня. Это не было ощущение смерти, когда, уже умирая, вдруг откуда-то приходит безошибочно ясная, но равнодушная и бесчувственная мысль - "умираю". И ты принимаешь её равнодушно и отстраненно, как будто все эти последние дела уже не касаются твоего существа, уже замкнувшегося и оторвавшегося от бывшей жизни. На такое осознание надо время, к нему сразу не приходят. А здесь все произошло быстро, и в этой скоротечности было только ощущение возможного Конца моей жизни, и ничего более.

Все ещё ошарашенный случившимся, непроизвольно выдыхаю: "Вот чё-ёрт!". И тут же в голове побежали мысли: "Что за преступная халатность! Эти дорожные строители прямым ходом отправляют людей в могилу! Идиоты!"

Надо быстрее звонить, что-то делать, пока раннее утро и людей не так много. То, что сегодня на этом месте кто-то распрощается с жизнью, это не вопрос "если", это вопрос ближайших десяти минут. Я доезжаю до следующего выхода с хайвэя, схожу с него, и через три минуты, пробежав на одном дыхании от стоянки в пустой безмолвный офис, беру телефон и мгновение колеблюсь - не люблю иметь дело с полицией. Однако ничего умнее придумать не могу, и звоню туда, пытаюсь объяснить ситуацию. Меня куда-то переправляют пару раз, и вот наконец кто-то, спокойно и неторопливо задавая вопросы, выслушивает мои взволнованные объяснения. В общем, делу "дан ход". Что я ещё могу сделать?.. Ничего в голову больше не приходит, и я просто приступаю к своей работе. Время тянется. Нутром чувствую, что мой звонок ничего не поменял, что опасность осталась, и предчувствие неминуемой беды продолжает жить в душе.

Время идет, но в офисе против обыкновения все ещё пусто, хотя обычно к этому времени кто-нибудь уже подтягивается. Я понимаю, почему - в основном народ использует этот же хайвэй, но мне все равно тяжело принять эту мысль. Наконец сразу появляются двое - Брайен и Мегги. Эти приезжают с севера, тогда как большинство едут из Торонто, с юга. Они оживленно переговариваются, и из беседы становится ясно, что на их направлении дальше хайвэй закрыли, и им потребовалось время, чтобы выйти с него. В общем, теперь надеяться не на что. Кто-то, может уже водитель следующей за мной машины, выехал на полосу движения, думая что это разгонная полоса, а дальше других вариантов, кроме кучи-малы из груды железа, там быть не могло.

И сразу померкли, приглушились и без того неяркие краски пасмурного дня. Щемящая досада и чувство одиночества, как волны, захлестнули душу. Всё. Карнавал закончен. Но он и должен был закончиться. Благополучие этой страны было мифом, иллюзией, летучим фантомом недолгих прежних времен, когда что-то начало делаться в ней, да быстро и закончилось, не успев укрепиться, и как всегда легко и незаметно, практически в одночасье, уступив место людской лени, воинствующей тупости, наглости, эгоизму и равнодушию ко всему и вся, включая себя самих и свою судьбу. Вот - и - всё. Вот - и - всё, - зацепились мозги за фразу, не в силах двинуться дальше.

Я как очнулся. Всё так всё. Значит, нормальной жизни конец. Так и запишем. Да, подарила Канада насколько спокойных лет, дав отойти от турбулентной, непредсказуемой своими неприятными сюрпризами российской жизни. Может, спокойствие было в какой-то части иллюзией. И даже наверняка, так оно и было. Но это неважно, не имеет значения сейчас. Важен результат - передышка, а она была нужна. Я ей плохо воспользовался, наделал глупостей, упустил многие возможности, и неизвестно, принесла она мне больше пользы или вреда. Но, во-первых, она была. А во-вторых, теперь всё - тайм-аут закончен. И будьте добры пожаловать обратно - в зловонную яму, кишашую потерявшими себя людьми, мечущимися, сталкивающимися друг с другом в непрерывном броуновском движении, легко и без конца манипулируемыми по сути такими же неприкаянными "калифами на час", которых прихотливые волны судьбы, к удивлению для них самих, каким-то затейливым образом вынесли наверх и дали власть. Снова надейся только на себя и занимай круговую оборону, иначе в момент подловят и разорвут на куски. В общем, добро пожаловать в настоящую Канаду! Ну что ж. Хорошо. Принимается. Всё, с этим теперь и живем дальше.

И вдруг стало легче на душе. Все стало понятней. Правила этой игры простые - выживай. Если сможешь. Но выживай своей сутью. Иначе - конец. Изменишь ей - потеряешь себя. Других исходов нет. Точка. Можно отдать многое и при этом остаться самим собой. Но не душу. Отдав её, растворишься в среде, в воле другого человека, в принятых на веру стереотипах, в атмосфере городов и офисных помещений, станешь фантомом, как многие до тебя. Станешь *ничем*. И так закончишь свой короткий век, потому что век фантома даже не короткий, он - *никакой*.

Прибывшие позже сотрудники только подтвердили мои худшие опасения. Хайвэй перекрыт на большом протяжении в обе стороны, народ на своих машинах пробирается по забитым улицам. Что там произошло - никто не знает.

Радиостанции, обычно споро реагирующие на всякие дорожные проблемы, на сей раз как воды в рот набрали. Так и простоял четыреста четвертый - номер хайвея - закрытым больше суток. И нигде - ни по радио, ни по телевидению - ничего не было сказано о причинах. А между тем, закрытие одного из основных хайвэев на такой долгий срок - это событие для города чрезвычайное. Где-то мельком промелькнуло сообщение, что он закрыт, и снова молчание. Почему закрыт - не сказали. А что это значит? Это означает одно - что число жертв оказалось слишком велико, а причины преступны, чтобы оповещать об этом общественность. А все эти разговоры об открытости и доступности информации, это все сказки. Людям дают знать только то, что считают нужным, что, как минимум, безвредно для властей. Точка. Всегда и везде.

Осознание того, что со мной произошло, пришло постепенно. Поначалу об этом даже не думал. Пронесло, и ладно. Но потом понял, что вот так, в одно мгновение, и могла закончиться моя жизнь. И остались бы дети без отца. А что перевесило чашу весов в моем случае в сторону "жить"? Малость, если так разобраться. Я-то хорошо помню свои колебания в течение тех двух-трех десятых долей секунды, когда надо было выбирать между жизнью и смертью, не подозревая об этом. Все было на грани. Мог ведь и влево взять. Не логика, не размышления спасли меня, но работа мозга на уровне подсознания, как у того рабочего с нефтяной платформы, когда подсознание выдало сигнал - что-то здесь не так! И в тот раз я этот сигнал не пропустил. Но штука в том, что не всегда так бывает. В моем случае не помню ситуации, чтобы сигнал не приходил. Но проблема в том, что нередко эти сигналы игнорируются. А не надо! Надо слушать свое подсознание. От дураков не убережешься, не скроешься. Их слишком много, и становится все больше. И ты с ними в той же вонючей яме, чем сделали жизнь "калифы на час", пришельцы без роду и племени, выползшие на белый свет непонятно из каких темных щелей.

Без ошибок никакое дело не обходится. Но ошибки ошибкам рознь. Когда все общество начинает жить по ошибочным законам, а вернее по *понятиям*, навязанным "солнцеподобными", сами себе присвоившими этот титул, речь уже идет о верном пути к национальным проблемам, если не катастрофам, к качественному перерождению некогда благополучного общества.

И что делать теперь? Остается только самим думать о себе, самим заботиться о своей жизни, и по возможности о других, потому что от них тоже зависит жизнь общества. А иначе, похоже, надолго на этом свете не удержишься. Не большегрузный грузовик, так какая-нибудь налоговая инспекция "переедет", или так же ненавязчиво вползет в подсознание страх непонятно чего, когда будто обложен красными флажками со всех сторон, когда ничего не движется, любые твои планы тихо умирают в вязком болоте канадской жизни. Оттого здесь столько людей, трое из пяти, в течение жизни имеют проблемы с психикой. Потому что здесь любой человек *никто* для окружающих, потому что всем постоянно норовят привить эту мысль, потому что здесь любое живое движение спускается на тормозах, потому что каждый забился в свою нору и думает только о том, как бы его не тронули. А не получится. Тут на каждом шагу ловушки. И подсознание, отслеживая дыхание жизни, шепчет, что чем дальше, тем больше будет шансов угодить "под раздачу". И надо получше слушать, что оно там шепчет.

Так что, выходит, свободен, и можно снова отправляться в плавание. Вот только куда...

Как долго можно жить без точки опоры?.. Наверное, пока есть надежда. Наверное, наверное, наверное...

Надежда... Свет... Шевелящаяся толпа... Надежда... Призрак... Пусть призрак. Пусть. Лишь бы помог удержаться на плаву. Хотя бы ещё чуть-чуть. А там, глядишь, может что и подвернется.